

Л. А. Чарская

Гимназистки

рассказы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Л. А. Чарская

Гимназистки: рассказы / Л. А. Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-3472-2

Лидия Алексеевна Чурилова (урождённая ВОРОНОВА, литературный псевдоним Лидия Чарская) по праву считается самой популярной детской писательницей России начала века. Перу этой одаренной и необычайно плодовитой писательницы принадлежат десятки произведений для детей, подростков и взрослых читателей. Количество написанного Чарской может быть сравнимо разве что с масштабами ее огромной, поистине небывалой популярности...

Продолжали зачитываться Чарской и после того, как ее произведения — уже в двадцатые годы XX века — были объявлены «слащавыми» и вредными для читателя, а затем запрещены и изъяты из библиотек. Наиболее любимые повести писательницы, однако, долго еще переписывались читателями, передавались из рук в руки.

ISBN 978-5-4241-3472-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Лидия Чарская
Полное собрание сочинений
Том сорок второй

Гимназистки (Рассказы)

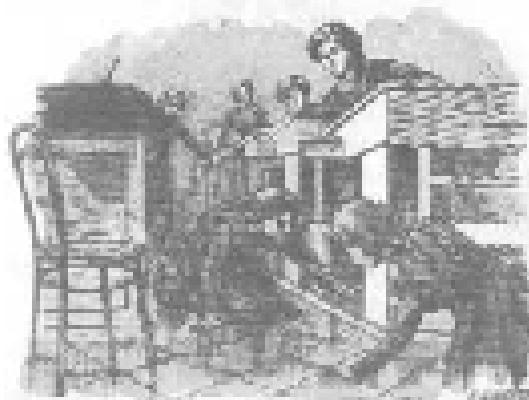
Для детей среднего и старшего возраста
С рисунками

Лидия Чарская

ГИМНАЗИСТКИ

РАССКАЗЫ

АЛМАСТЫ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ЯЗЫКА

С. А. Чарская
Так кореня чистой

МОСКВА 2005

Гравюры художника С. А. Чарской

Поповна

Дети, в наш класс поступает новенькая! Надеюсь, вы радушно примете вашу будущую подругу!

Таисия Павловна, худенькая молодая «дама» третьего класса, со своей обычной, всегда немного грустной улыбкой, заторопилась навстречу высокой представительной директрисе.

Точно по мановению волшебной палочки в классе воцарилась полная тишина. Дверь широко распахнулась, и Ольга Николаевна (имя начальницы N-ской гимназии) вошла в комнату, держа за руку новенькую. На лицах третьеклассниц отразилось самое искреннее изумление. Такой новенькой N-ская гимназия еще никогда не видела в своих стенах. Высокая, плотная, загорелая, с огромными руками и ногами, как-то нелепо вылезавшими из слишком короткого и узкого, очевидно, с чужого плеча, платья, с гладко зачесанными, что называется зализанными, волосами и крупными чертами лица, новенькая внимательно оглядывала класс без малейшей тени смущения и робости.

Гимназистки, в свою очередь, стоя в проходах между партами, после обычного приветствия по адресу начальницы смотрели на новенькую.

Она казалась им настоящей великаншей. В третьем классе учились девочки приблизительно от одиннадцати до четырнадцати лет. Вновь поступавшей можно было с успехом дать все семнадцать. И притом это коричневое, грубое, обветренное лицо... Эти огромные руки... Они, скорее всего, подходили какой-нибудь ремесленнице, чернорабочей, но отнюдь не гимназистке.

Маленькая, миловидная, изящная, точно французская статуэтка, Милочка Печалина с нескрываемым ужасом шептала своей соседке, чистенькой и пухлой, как булка, Эмме Вульф:

— Посмотри на нее, Эмма! У нее руки в мозолях, точно у дворника!..

— О, какая громада! Брандмайор какой-то! — брезгливо морщаась, роняла в другом углу класса Зина Ракитова, миниатюрная, тонкая брюнетка.

— Я думала, что она в последние классы поступает, а она-с к нашему изволит примкнуть, эта милая крошка! — насмешливо проронила самая веселая и шаловливая из гимназисток Нюра Смолянская и прыснула от смеха.

Прыснули за ней и ближайшие из ее соседок.

— Крошка... Нечего сказать, крошка... Настоящий фельдфебель! — лепетала Милочка Печалина, делая невозможные гримасы.

— Тише, дети, тише! — и вся насторожившись, Таисия Павловна окинула строгим взором класс, призывая его к порядку.

— Mesdemoiselles, Ольга Николаевна желает говорить с вами! Прошу вас быть тише, — возвысив голос, заключила она.

Полное спокойствие воцарилось в классе. Директриса приблизилась к первым скамейкам, все еще не выпуская руку новенькой, и заговорила, обращаясь к девочкам:

— Вот вам новая подруга, дети! Будьте поласковее с ней. Она приехала сюда издалека, из деревенской глупши, где отец ее служит священником. Вы понимаете, конечно, как тяжело бывает уезжать надолго из родной обстановки и попадать к чужим людям, в незнакомый далекий город, где нет никого из близких и друзей.

Вот Даша Крестовоздвиженская находится в таком же неприятном положении. Помогите же ей своим участием. Посвятите ее в свободное от уроков время в наши гимназические правила. Познакомьте с условиями нашей учебной жизни. Надеюсь на вас, дети! Вы уже не маленькие и сумеете облегчить вашей новой подруге ее первые школьные шаги!

Директриса ласково кивнула девочкам и покинула класс. Таисия Павловна вышла проводить ее в коридор. Новенькая стояла одна посреди комнаты, большая, мешковатая, с огромными красными руками, некрасиво повисшими вдоль тела, в своем коротком, куцем платье, и прежними спокойными, нимало не оробевшими глазами, оглядывала своих будущих однокашниц.

Тотчас после ухода начальства девочки высыпали на середину класса, окружили Крестовоздвиженскую и закидали ее целым потоком вопросов.

- Вы, собственно, откуда?
- Из какой губернии?
- Из села или из деревни?
- Большой приход у вашего отца?
- Он давно там священником?
- А братья и сестры есть у вас еще дома?
- Сколько же вам, однако, лет?
- Отчего у вас на руках мозоли?
- Вы и зимою такая же коричневая от загара?
- Что вы делаете, чтобы быть такой румяной?
- А зачем вы так ужасно помадите себе голову?

Вопросы сыпались со всех сторон. Целый град вопросов, серьезных и праздных, атаковал новенькую.

Девочки всматривались в лицо Даши острыми, любопытными глазами, как бы желая видеть ее насквозь.

Хорошенькая Милочка Печалина протиснулась вперед и, презрительно косясь на куцее коричневое платье с огромной заплатой на локте, сказала:

— Но почему же вы не отвечаете нам? Или не хотите удостоить нас ни одним словом?

Даша Крестовоздвиженская подняла на Милочку свои маленькие, как щелочки, глазки:

— Ах, нет, что вы! — сказала она мягким грудным голосом, произнося слова немного на "о", — ах, что вы! Просто я устамши очень. Не могу еще никак отойти с дороги...

— Устамши!.."

Вот тебе раз!

Гимназистка 3-го класса и говорит «устамши», да еще с ударениями на «о», как простая крестьянка! Вот сюрприз-то Алексею Ивановичу будет, учителю русского языка!

— Устамши, не емши, не спамши! — пропела вполголоса насмешница Смолянская, чилившаяся с младшего класса первой по русскому языку.

Милочка фыркнула. Фыркнули и тоненькая Зина Ракитова, и беленькая Эмма Вульф, и еще двое-трое из самых смешливых.

Крестовоздвиженская не смутилась, однако, и тут. Она тоже улыбнулась, сверкнув на диво белыми красивыми зубами.

— Такая дурная привычка — все не могу отвыкнуть от деревенской речи, — произнесла она с подкупавшей простотой, — говорить-то у нас в глухи мало приходилось. Батюшка в поле, а маменька по хозяйству либо с ребятками. Я-то и сама в работе... С нашими деревенскими то на косьбе, то на жатве... Сами работали, по бедности, конечно. Батраков дорого нанимать. Уж вы, пожалуйста, коли что не так скажу — поправляйте, сделайте милость, очень буду вами благодарна.

И совсем неожиданно она низко, по-крестьянски, всем тулowiщем поклонилась окружавшим ее гимназисткам.

Настроение класса сразу изменилось.

Эта плотная высокая девушка была так нелепа и смешна со своими огромными, в мозолях, руками, зализанной головой и чисто крестьянскими оборотами речи. И в то же время ее низкий, подкупавший мелодично-бархатный голос и эта откровенная, наивная простота трогали невольно и влекли к ней сердца девочек.

Когда Нюра Смолянская попробовала было пройтись насчет того, что она "оченno благодарна за откровенность барышни-крестьянки Крестовоздвиженской, и хоша та и очень устамши с дороги, а все же пущай не откажется потолковать с девицами...", на Нюру замахали со всех сторон, зашумели:

— Пожалуйста, не остири, Нюрка! Знай меру!

Так что шалунья невольно смолкла, прикусив свой не в меру бойкий язычок.

Крестовоздвиженскую усадили на скамейку рядом с тоненькой, хрупкой, аристократичной Зиной Ракитовой, около которой оставалось одно-единственное свободное место.

Голубоглазая, немного надменная, Зина отодвинулась от своей новой соседки на самый край скамьи. Даша почему-то не понравилась ей с первой же минуты, и она, ни мало не смущаясь, подчеркнула это. "Поповна! Деревенская поповна!" — окрестила ее Зина, втайне негодяя на судьбу, предоставившую ей неприятную обязанность сидеть с этой «деревенщицой» во время занятий.

* * *

— Здравствуйте, барышни, здравствуйте! Пришел к вам проэкзаменовать новенькую. Госпожа Крестовоздвиженская, пожалуйте сюда! — улыбаясь и ободряюще покачивая седой головой, говорил инспектор, входя к третьеклассницам.

Девочки торопливо повторяли заданное к предыдущему уроку по физике. Учитель был из «лютых» и требовал твердых ответов по своему предмету. Его боялись и учились у него прилежнее, зная, что у Арсения Ардalionовича очень легко можно схватить "кол".

Но несмотря на всю важность повторения «физикантского» урока, девочки никак не могли себе отказать в удовольствии проследить за экзаменационными ответами новенькой, которая с каждой минутой овладевала все большим вниманием класса.

Действительно, Даша Крестовоздвиженская представляла собой целый ряд сюрпризов и неожиданностей.

Начать с того, что ей, такой высокой, плотной, было всего только четырнадцать лет отроду. Когда она простосердечно своим бархатистым густым голосом заяви-

ла об этом, девочкам не хотелось верить... Затем своими «простецкими» словечками: «устамши», «намедни», «маменька» и другими она так добросовестно и даже живописно выложила, стоя у кафедры перед сидевшим за столом инспектором-экзаменатором, всю историю крестовых походов, что третьеклассницы замерли от удивления... Не успели они опомниться от первого впечатления, как их ожидало уже новое. Даша знала по географии, арифметике, русскому языку, естествоведению и Закону Божию безуказиценно все, что требовалось знать для гимназистки третьего класса. Без одной ошибки решила она сложную арифметическую задачу и гладко, не пропустив ни единого знака препинания, написала довольно сложный диктант.

— Прекрасно! Прекрасно! Очень, очень доброкачественная подготовка, — хвалил девочку инспектор. — С кем вы занимались, барышня?

“Барышня” сделала круглые от удивления глаза и развела неопределенным жестом свои огромные руки.

— Как с кем? Одна. Маменька в губернский город ездила. Привезла программу, книжки, ну и училась. А задачи с батюшкой делали и в диктованиях он тоже пособлял. Вот только жалость: писать как следует не могу... Руки сгруbeli. Жать приходилось. Работать... Как возьмусь за перо, так уж беспременно руки дрожат, — чистосердечным признанием заключила свою речь новенькая и снова широко, простодушно улыбнулась, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

— Ну и хвастунья же эта новенькая! — перегнувшись к своей соседке Эмме, шепнула Милочка.

— Поповна! Все поповны хвастливые! — ввернула свое слово беленькая немочка Бульф, поводя пухлыми плечами.

— Мне она совсем, совсем не нравится, — подхватила Милочка, — и я удивляюсь, чем пленила она *наших*, что те накинулись на Нюру, пожелавшую ее “изобразить”...

— А если бы вы знали, барышни, как от ее головы репейным маслом пахнет! Целую банку, очевидно, на себя выпила эта «приехавшая» к нам прелестная девица из деревни! — вставила в разговор двух соседок внезапно вынырнувшая откуда-то шалунья Смолянская.

— И вообще она нечистоплотная какая-то. Вы видите у нее на локте заплату, — послышался презрительный голосок Зины Ракитовой, и она мельком, в стеклянные дверцы шкафа, оглядела свою собственную, затянутую в изящное форменное платье, сшитое у дорогой портнихи, фигурку.

— Ну знаешь, о заплатах ты оставь, — вмешалась в разговор проходившая мимо Катя Малиновская, — у меня у самой все заштопано: и юбка, и передник, и чулки, у мамы нет денег на новое, а это мне не мешает следить за собой и мыть руки чуть ли не после каждого урока.

— Пожалуйста, не чванься... Нашла чем! Чистюля! — насмешливо протянула в нос, подражая Кате, Смолянская и звонко расхохоталась заразительным ребяческим смехом.

— Тише! Тише! Или вы не слышите, Смолянская, Арсений Ардalionович хочет говорить с вами, — и Таисия Павловна сделала по адресу шалуны Нюры строгое лицо.

Арсений Ардалионович действительно хотел говорить о новенькой: она, по его мнению, подготовлена прекрасно. Знает больше, чем следует... Только вот

языки.

— Одни языки — французский и немецкий — заставляют желать много лучшего, — с искренним сожалением закончил он.

Крестовоздвиженская прослушала очень спокойно все, что он сказал, как будто речь шла не о ней, а о ком-то постороннем, и опять улыбнулась.

Инспектор сошел с кафедры и приблизился к первым партам. Его взгляд встретился со взглядом Зины, и он произнес очень мягко по адресу гимназистки:

— Вот если бы вы, госпожа Ракитова, пожелали помочь новенькой! Вы так сильны по иностранным языкам. Это займет у вас немного времени. Госпожа Крестовоздвиженская, по всем данным, скоро усваивает предметы. Не согласились бы вы помочь ей первое время?

Зина с чуть заметной кислой усмешкой нехотя поднялась со своего места, отвесила инспектору подобающий реверанс и тихо проговорила: у

— Хорошо. Я постараюсь, если успею... Помогу усвоить новенькой заданное к завтрашнему дню.

— Очень, очень мило с вашей стороны, барышня! — и, довольный результатом экзаменов, инспектор вышел из класса.

В коридоре прозвучал новый звонок. Приближался урок физики — самый страшный из гимназических уроков.

В перемену Зина, с видом добровольной мученицы, позвала Поповну, как она, а за ней и многие другие гимназистки-третьякласницы окрестили между собой новенькую, и небрежно прощедила сквозь зубы:

— Я вам объясню французский синтаксис сейчас, если желаете, потом у меня не будет времени.

Поповна охотно согласилась.

— Пожалуйста. Премного буду вами благодарна, — весело произнесла она.

— "Вами"? — насмешливо протянула Зина. — Какой у вас странный оборот речи.

— Так уж привыкли! — добродушно улыбнулась Даша.

"Нет, она невменяемая какая-то!" — возмущалась Зина в глубине души.

— Послушайте, — презрительно морщась, заговорила она, снова обращаясь к Даше: — бросьте вы ваши мужицкие привычки! Все эти словечки: "приехали, отъехали, уснули, устали!" Право, это противно и смешно!

— Ах, извините! — смущенно сказала Даша, и все ее и без того румяное лицо запылало ярче, — уж я попрошу вас, ежели заметите, что не так, поправьте... Я ведь попросту, по-деревенски... и не...

— Нет уж, увольте! — резко оборвала ее на полуслове Зина, — право, у меня нет ни времени, ни охоты для воспитания всяких провинциальных девиц. — И тут же, заметя растерянность Поповны, заключила с каким-то жестоким злорадством: — Ну а сейчас примемся за французский синтаксис, пока учитель физики еще не "пришел!" — и насмешливо сверкнула на новенькую загоревшимися недобро глазами.

* * *

Было половина третьего. Уроки кончились, и гимназистки с веселым шумом высыпали из подъезда.

Поповна долго и усердно одевалась у вешалки, к большому недоумению

гимназического швейцара.

Несколько любопытных, в том числе Нюра Смолянская, Зина Ракитова, Мила Печалина и немочка Вульф, сунули в темный угол раздевалки свои плутовские мордочки.

— Ax! — вскрикнула Миличка, — что это за допотопная фигура!

Из угла вышла Поповна. На ней был плащ в виде тальмы, какой носили в далече времена бедные чиновницы старухи, обитательницы дальних городских окраин. На голове широкополая, бесцветная шляпка из полинялой соломы со смятыми цветами, сбившимися в одну сплошную кучу. В руках огромный клетчатый зонтик, хотя на улице стояли сухие, почти жаркие дни осени, и в зонтике, да еще в таком огромном, никакой надобности не предвиделось.

Девочки невольно фыркнули при виде ее костюма.

— Боже мой! Да вы глаза всем выколете вашими полями! Откуда вы выискали такое чудовище? Вот так фасоны времен Очакова и покорения Крыма! — заливаясь безобидным смехом, Нюра Смолянская смотрела на удивительную шляпу новенькой.

— Зачем вы таскаете с собою этого урода? Дождя быть не может! К чему вы взяли этот зонтик?

Эмма Вульф, по привычке пожимая плечиками, ткнула пальцем в злополучный клетчатый зонт Даши. Не успела ответить Поповна, как перед нею точно из-под земли выросла Зина Ракитова.

— Что хотите делайте, но я не пойду с вами по улице. Это ужас! Ужас какой-то! Маскарад среди бела дня, ведь не свяtkи теперь. Пожалуйста, идите другой дорогой! И завтра же перемените шляпу и тальму. Право, даю вам искренний дружеский совет.

Хорошенькая аристократка говорила еще что-то... Говорила много и долго с каким-то обиженным возмущением, но Даша уже не слышала ее. Румяное лицо Поповны приняло беспокойно-встревоженное выражение. Вихрем закружилась в голове мысль: "Откуда же мне взять-то другое? Откуда? Даром не купишь! Без денег не приобретешь!"

Как все это грустно, однако!.. Разве могли они предвидеть нечто подобное там, в сельце Крошине, с милой доброй маменькой и ласковым отцом? Маменька очень беспокоилась, отпуская сюда Дашу, одну в такую даль, в чужой неведомый Петербург.

— Будем мы тебе, девочка, по пятнадцать рублей высыпать ежемесячно, — говорила маменька, — больше никак невозможно. Видишь, сестры и братья растут, и их поднимать надо тоже. Ежели жить толком, аккуратно, то пятнадцати хватит за глаза. Отцу дьякону (у отца дьякона, женатого на школьной подруге маменьки, и должна была жить Даша в Петербурге) двенадцать рублей за угол и за стол платить будешь. Три тебе на мыло, на баню, на марки и на булки останется... А насчет одежды не сомневайся. Пока что в моей тальме и шляпе походишь. Вещи хорошие... К свадьбе сделаны. Немного и поносить пришлось. Какие же шляпы в деревне!.. А осенью шубку вышлем, из батюшкиной синей рясы сошью. Не сомневайся, девочка!

Да она и не сомневалась, Даша. Ее так сильно влекло учиться сюда, в далекий, чуждый и прекрасный своим просвещенным значением город, что о шубках, тальмах и шляпах она думала менее всего.